

глаза на то, что воспитанный ими в христианстве «король» содержал гарем, и не находили нужным его осуждать за это. Они отпустили Кристину в его гарем, попытавшись при этом получить с «короля» взятку.

Хотя основное внимание автора обращено на описание жизни и быта «короля» Соломона и его многочисленных жен, в книге мы можем найти описание быта и жизни его соплеменников.

Вот перед нами одно из многих зулусских селений резервата. Низенькие хижины, подобно грибам после дождя, густо покрывая холмистую возвышенность. Селение состоит из нескольких краалей, ведущих каждый отдельное хозяйство. Крааль включает две-три хижины, в которых живут муж, его жены и дети. Возле хижины расположен небольшой участок земли, который обрабатывает муж, подготавливая его к посеву. Посев производят жены. Кукуруза и картофель, реже тыква — основные культуры, возделываемые в зулусском хозяйстве; некоторые выращивают табак для продажи. Мужья с помощью сыновей ухаживают за скотом, работают на близлежащих плантациях англичан или уходят на заработки на рудники. Им нужны деньги для уплаты налогов и покупки предметов первой необходимости. Внутреннее убранство зулусской хижины крайне несложно: циновки и гончарная посуда. Более состоятельные имеют деревянную постель, несколько грубо сколоченных стульев и стол. Однако это — уже роскошь, малодоступная большинству зулу.

В наиболее крупных селениях имеются лавка европейского купца, миссионерская школа, дома судьи и миссионера. Немногочисленные европейцы, живущие в зулусском селении, имеют кирпичные дома, огороженные забором; дома эти расположены несколько поодаль от зулусских краалей. Европейцы посещают краали зулу, когда им нужно нанять прислугу для работы в доме или рабочих для фермы. В доме европейца — радио, музыка, электричество, в хижинах зулу — темнота.

Зулу покупают европейские ткани и платья, женщины носят юбки и блузки, фабричную обувь. Это, однако, роскошь, для многих недоступная. У себя в краале, и особенно в рабочее время, они все еще ограничиваются каким-нибудь куском материи, обернутым вокруг торса.

Повторяем, книга Рейер — это беллетристика, однако она ценна для советского этнографа, так как в ней более или менее правдиво описана жизнь зулу и эксплуатация их английскими империалистами.

М. Райт

J. Faublée. *Ethnographie de Madagascar*, Paris, 1946.

Рецензируемая книга вышла в Париже в 1946 г. Автор ее — Ж. Фобле, профессор школы восточных языков и школы французских заморских территорий. В работе принимали участие сотрудник Музея человека Ж. Руже, которому принадлежит глава о музыке мальгашей, и профессор Парижского университета Р. Хартвег, написавший главу о расовом составе населения Мадагаскара. Предисловие к книге написано Марселем Коппе — в то время верховным комиссаром Республики на Мадагаскаре. Одновременно с выходом книги в Музее человека в Париже открылся зал, посвященный культуре мальгашей. Материалы книги должны были служить дополнением к экспозициям музея.

Автор книги не ставит научно-исследовательских задач. «Этнография Мадагаскара» — книга, рассчитанная на широкую читающую публику. В книге 16 коротеньких глав, каждая из которых посвящена описанию какой-либо определенной стороны культуры и быта мальгашей. Главы насыщены фактическим материалом, снабжены хорошими иллюстрациями. В этих иллюстрациях, отображающих коллекции Музея человека, и в подробной описи к ним — заключается основная ценность рецензируемой работы.

Однако читатель этой книги напрасно старался бы уяснить, что представляет мальгашский народ в настоящее время, каков его быт, его культура. Факты поданы так, что очень тонко и умело извращают действительность. При чтении книги создается впечатление, что автор поставил задачу — представить народ Мадагаскара в архаизированном виде. Само расположение материала уже внушает читателю мысль о примитивности культуры мальгашей. Книга открывается описанием способов использования «даров природы»: несколько глав посвящено сбору и использованию диких корней и плодов, охоте, рыболовству. На одной из первых страниц изображен пастух в набедренной повязке, выпасающий копьём дикие корни. Описания автора дополняют картину: пастух пользуется примитивными способами добывания огня и охотится с помощью сарбогана и пращи.

В следующих главах автор описывает земледельческую культуру и скотоводство на Мадагаскаре. Далее он останавливается на предметах ремесла, постройках, утвари и т. д., но почти не касается приемов, которыми пользуются мальгаша при изготовлении того или иного предмета. О технике ремесла автор не пишет. Пользуясь формальным приемом группировки сведений о предметах в зависимости от материала,

из которого они сделаны, автор сваливает в одну кучу такие ничего общего между собой не имеющие предметы, как деревянная столовая утварь и надгробные памятники.

И тут, как и везде, автор не упускает случая отметить черточку, характеризующую «примитивность» культуры мальгашей. Так, описывая ирригационное земледелие, он особо останавливается на обрядах, якобы долженствующих обеспечить богатый урожай риса. Говоря о резьбе по камню, автор утверждает, что это искусство возникло только под влиянием европейской культуры. Что касается ювелирного искусства, то оно, якобы, заимствовано из Индии.

Покончив с материальной культурой, автор знакомит нас с играми, танцами, развлечениями, фольклором, музыкой мальгашей. Много места уделено религии. Однако в книге нет и намека на попытку выделить из самых разнообразных по происхождению и характеру элементов религиозных представлений те из них, которые уже ушли в прошлое, и те, которые еще бытуют. Вместо анализа — описание отдельных обрядов.

Очень бегло останавливается автор на вопросе об общественном строе разных этнических групп Мадагаскара в период первого соприкосновения их с европейцами и на последующей эволюции племен мерина — населения Центрального плато.

Заключительная глава работы посвящена вопросу о происхождении мальгашей.

Как известно, эта сложная проблема не нашла еще разрешения в науке, а породила лишь многочисленные и малодоказательные гипотезы. Трудность проблемы состоит в следующем. Мальгашаи говорят на языке, близком к малайскому, материальная культура обнаруживает несомненное родство с культурой народов юго-восточной Азии. Между тем антропологический тип мальгашей очень сложен: наряду с монголоидным во всех этнических группах (в разной пропорции) распространен и негроидный тип, но отличный от типа банту восточной Африки. Каково происхождение народов Мадагаскара — задача, над которой бьются многие поколения ученых.

Профессор Фобле, коротко излагая суть различных гипотез, отказывается предложить свое собственное решение вопроса. Весьма осторожно он высказывает предположение, что древнейшее население Мадагаскара вряд ли можно считать по происхождению африканским. В доказательство автор прибегает к преданиям мерина, согласно которым предки последних, высадившись на острове, вступили в борьбу с народом вазимба, культура которого была якобы тоже южно-азиатского происхождения. Таким образом, Фобле древнейшее население Мадагаскара выводит из юго-восточной Азии.

Едва ли можно согласиться с такого рода выводами, тем более, что в самой книге содержатся материалы, противоречащие этому. Укажем один пример. Ж. Руже в главе о музыке на Мадагаскаре пишет, что музыкальная культура сакалавов (население западного побережья острова), особенно на острове Носси-бе, обнаруживает несомненное родство с музыкальной культурой негроидного населения Африки.

В заключение следует сказать, что и выход рецензируемой книги и открытие зала мальгашской культуры — явления знаменательные. Этот интерес колониальных кругов к далекому острову не случаен. Он обусловлен теми событиями, которые назревали на Мадагаскаре в то время. Послевоенный период на Мадагаскаре характеризуется подъемом антиимпериалистического национально-освободительного движения. Именно в 1946 г. создается демократическая партия Мадагаскара «Демократическое движение за возрождение Мадагаскара». В борьбе против империалистических захватчиков объединяются разные этнические группы населения. Колониальная администрация чувствует, как ускользает почва из-под ног, как колеблются основы колониального режима.

Появление в это время книги профессора Фобле и открытие зала мальгашской культуры должны были, видимо, по замыслу колониальной администрации, способствовать восстановлению «нормальных отношений».

Недаром в предисловии к книге Марсель Коппе распинаяется в вечной любви и дружбе к мальгашскому народу. Он пишет, что французов воодушевляют чувства глубокой симпатии к народам, населяющим заморские территории, что французскую колониальную политику отличает «мирное завоевание»(!), что книга должна показать мальгашам, с каким вниманием во Франции относятся к их обычаям и культуре. Истинную цену этих лживых слов показала кровавая расправа колониальных властей с народом Мадагаскара в марте 1947 г.

А. С. Орлова